

ЕМЕЛЯ и другие

Ленинградский государственный Большой театр кукол открыл сезон. Вместе со своими мамами, папами и бабушками потянулись сюда дети, чтобы встретиться с Золушкой и Красной Шапочкой, посмотреть удивительные приключения Пифа. А по вечерам театр собирает взрослых зрителей. В минувшую субботу для них состоялась премьера нового спектакля «Садко», поставленного по пьесе М. Гиндина главным режиссером театра заслуженным деятелем искусств РСФСР В. Сударушкиным.

ГЕРОИ этого популярнейшего в нашем городе театра, естественно, куклы. С их автором главным художником В. А. Хоаралевым беседует наш корреспондент И. Катина.

— Владимир Алексеевич, признаюсь, не так уж часто приходится встречаться с художником, работающим в столь своеобразном жанре. Расскажите, пожалуйста, что привело вас в театр кукол?

— Мне, наверное, повезло — передо мной никогда не стоял вопрос «кем быть?». С детства я хотел быть только художником. Но в кукольный театр я пришел не сразу. Сначала было ремесленное училище, которое дало мне специальность так называемого альфрейщика-живописца. Работал в Омске: расписывал стены и потолки детских садов. Затем поступил в Высшее художественно-промышленное училище имени Мужикова и по окончании получил специальность дизайнера. Специальность интересную, по весьма далекую от специфики кукольного театра.

Кукольный театр меня привлек в первую очередь разнообразием выразительных средств. Здесь художник должен использовать весь опыт, накопленный историей искусства: и в живописи, и в графике, и в скульптуре, и в архитектуре. Два года я провел в мастерской театра, разрабатывая новые конструкции кукол, затем получил предложение оформ-

ить спектакль «Корабль Арго» Карнауховой, и, собственно говоря, с этого спектакля и началась моя работа в театре как художника. Наверное, вам не раз приходилось слышать споры: кто же важнее в кукольном театре — режиссер, актер или художник?

— Я думаю, что эти споры беспочвенны. Самым важным в театре всегда было и будет одно — искусство. А театр — искусство коллективное. И судьбу спектакля решает коллектив.

— Но ведь режиссер и актеры исходят в своей работе из уже созданного вами изобразительного строя спектакля. Все, что видит в кукольном театре глаз зрителя, создано художником...

— Видите ли, зрительная сторона спектакля — это еще не театр. Театр начинается там, где возникает союз драматурга, режиссера, актера, художника... Не я один создаю образ спектакля. В своей работе я учитываю замысел режиссера, ищу стиль, конструкцию, наиболее полно выражающую идею спектакля.

А при работе над куклой, над созданием характера, героя я учитываю индивидуальность актера, который будет воплощать данный характер, то есть оставляю место для его фантазии, его пластического мастерства.

— Все, кто видел спектакль «Сказка про Емелю», безусловно, заметили, что в оформлении богато использован мир русского прикладного искусства. Как возник у вас этот замысел?

— Я давно мечтал оформить спектакль, основываясь на подлинно народных образах русского прикладного искусства. Работая над «Сказкой про Емелю», я поставил перед собой задачу пропагандировать удивительные образцы народной фантазии. Поэтому я умышленно сохранил в спектакле некоторую этнографичность. Предметы народного искусства настолько насыщены мыслью, если хотите осмыслены, что, попадая в определенное денотативное окружение, они приобретают силу образа. При всей своей утилитарности Солнцем может стать блюдо с хохломской росписью, прялки — деревьями, ковши — утками.

— Дети доверчиво воспринимают любую условность...

— В этом нет ничего удивительного. Зачастую то новое, что хочешь сказать при оформлении детского спектакля, не сразу воспринимается взрослыми людьми. Слышишь упреки, что для детей это слишком сложно и непонятно. На практике же, если спектакль сделан честно и искренне, любая условность воспринимается и принимается ребенком мгновенно.

Откровенно говоря, я больше люблю работать для детей — зрители открытого и непредубежденного. Дети воспринимают все так, как есть, а не ищут какого-то тайного смысла. Кроме того, в детском спектакле очень важно чувство стиля, поэтому ответственность художника перед детьми особенно велика. Театр кукол — первый театр в жизни ребенка, первая встреча с театральным искусством. А впечатления детства сильны и живучи. Поэтому глаз ребенка должен привывать к совершенным образам, чтобы потом, когда ребенок начнет разбираться в законах красоты, у него был бы определенный запас впечатлений. Но ответственны не только за формирование вкуса детей, но и за верное понимание ими таких вечных начал, как добро и зло.

— Русское прикладное искусство определило художественный образ еще нескольких ваших спектаклей.

— Да. Надо сказать, что на всех международных фестивалях кукольных театров, где мы бывали, всегда радовало знакомство с национальным искусством через театр. Художественные промыслы, которым близки и куклы как произведения прикладного искусства, обладают ярко выраженным народным характером. Но театральная кукла не имеет утилитарного значения — она живет по законам театра. Это уже не вещь, а ожившее существо. Изделия прикладного искусства становятся в кукольном театре живыми характерами, психологическими образами. Самое трудное — сохранить при этом национальную форму, национальный характер народного искусства. А учиться у него нужно, потому что материал народного искусства огромен и неисчерпаем. В нем есть абсолютно все.

Сейчас мы вместе с Виктором Борисовичем Сударушкиным начинаем работать над спектаклем «Иван-деревиш, Серый Волк и другие...», где я постараюсь обобщить все то, что уже сделал в этом плане.

- В. Хоаралев со своими куклами.
- «Сказка про Емелю».